

4. XXII съезд КПСС и его последствия

Трудности в экономике, сотрясаемой «реформами» и «кампаниями», усиление международной напряженности благоприятствовали активизации противников Хрущева после XXI съезда. Им удалось добиться некоторых успехов в борьбе за ограничение децентрализации, которая усиливала позиции местной бюрократии и ослабляла контроль центра за хозяйственными руководителями на местах, ответственными за осуществление тех или иных хрущевских инициатив. Наиболее отчетливо это проявилось в создании в 1960 г. в каждой из крупнейших республик — России, Украине, Казахстане — республиканских совнархозов. В совокупности эти три совнархоза контролировали 80% всех других совнархозов, заметно девальвируя, таким образом, идею децентрализации, лежавшую в основе реформы 1957 г.

С другой стороны, часть либеральной интеллигенции все чаще стала обращаться к запретным темам. В январе 1961 г. И.Эренбург при вручении ему Ленинской премии воспользовался этим торжественным случаем, чтобы снова поднять тему антисемитизма в СССР, сохранения его и в период десталинизации. Вслед за ним к той же теме обратился поэт Евтушенко, опубликовав 19 сентября 1961 г. в «Литературной газете» большую поэму «Бабий Яр», нарисовавшую страшную картину уничтожения евреев нацистами под Киевом. Поэма вызвала широкую дискуссию в прессе не только по вопросу антисемитизма, но и по таким острым проблемам, как национализм, социалистический реализм, роль писателя в советском обществе, «буржуазная» идеология и ее влияние на молодежь. Консервативный литературный журнал «Литература и жизнь» обвинил Евтушенко в том, что «его душа так же узка, как его брюки», — намекал на «опасную» моду, пришедшую с Запада и пленившую советскую молодежь.

В контексте непрекращающихся экономических трудностей, фронды интеллигенции и консервативной оппозиции, в верхнем эшелоне которой особенно выделялись секретари ЦК Ф.Козлов и М.Суслов и проходил с 17 по 31 октября 1961 г. XXII съезд КПСС Подготовка к съезду приняла форму широкой пропагандистской кампании, продолжавшейся весь 1961 г. Партия объявила о разработке новой программы и нового устава, проекты которых были напечатаны в июле и должны были обсуждаться летом 1961 г. Принимаемые документы должны были отвечать новому этапу, в который вступила страна: переходу от социализма к коммунизму. Порядок дня съезда предусматривал прежде всего принятие этих важных документов. Однако на деле съезд, собранный по инициативе Хрущева для рассмотрения перспектив на будущее, занялся обсуждением проблем прошлого и вошел в историю как съезд еще более радикальной десталинизации, чем та, которая была начата пятью годами раньше на XX съезде.

Никогда прежде съезды не собирали такого числа делегатов; в 1956 г. их было 1430, а в 1961-м — 4800, хотя численный состав партии увеличился лишь на 28%. Увеличение численности делегатов более чем в три раза, обилие новых лиц, выдвинувшихся после смерти Сталина, отражало стремление к демократизации, желание вернуться к традициям ленинских съездов, на которых присутствовало очень много делегатов, и в то же время подготовку изменения состава ЦК, избираемого из делегатов съезда и действительно в итоге сильно обновленного.

Принятие новой программы партии вызвало мало дискуссий. Текст программы излагал способы перехода к коммунизму, что вряд ли могло стать предметом для горячего обсуждения. Согласно программе, для достижения цели требовалось двадцать лет, из которых десять (1961 — 1971) отводились на «создание материально-технической базы коммунизма» и еще десять (1971 — 1981) на вступление в коммунизм. Успехи экономики, основанные на «дальнейшем развитии тяжелой индустрии», на базе которой предстояло «технически перевооружить все другие отрасли народного хозяйства», должны были привести к созданию бесклассового общества с единой формой собственности на средства производства, с постепенной передачей функций государства органам самоуправления трудящихся, с подлинным социалистическим равенством и т.д. Освобожденный от давления материальной необходимости, человек коммунистического общества тем не менее представлялся в соответствии с точной моделью: он полностью разделял все ценности этого общества и работал потому, что чувствовал в этом потребность в мире, свободном от антагонизмов между коллективом и личностью. Таким образом, эта программа полностью следовала канонам основоположников марксизма-ленинизма.

Принятие нового устава имело гораздо более важные и сразу же проявившиеся политические следствия. Этот документ, вдохновляемый ленинскими принципами революционной легальности, внутренней демократией, народным контролем и коллективным руководством, подчеркивал необходимость периодического обновления кадров и руководящих органов на всех уровнях аппарата, от первичной ячейки до Президиума ЦК. На каждых выборах замене подлежала половина членов выборных органов до райкома включительно, треть состава — на областном и республиканском уровнях, четверть — в ЦК и его Президиуме. Это обновление было подкреплено дополнительным правилом, запрещавшим избираться в одни и те же органы более определенного числа раз. Однако, не допуская исключений для первичных и регио-

нальных организаций, эти правила предусматривали исключения для ЦК и Президиума. Члены высших органов партии, «авторитет которых был единодушно признан», могли оставаться на своем посту более долгий период, если при голосовании три четверти голосов подавались «за». Эти новые правила, призванные обеспечить обновление и омоложение партийных кадров, достигли лишь частичного успеха. На самом деле быстрая ротация кадров на низших уровнях приводила к ослаблению их авторитета и ставила в еще большую зависимость от прочно сидящих на своих местах представителей вышестоящих инстанций. Что же касается иерархов, то возможность оставаться в верхах чуть ли не безграничный срок только укрепляла их власть. С другой стороны, чтобы набрать большинство в три четверти голосов, позволяющее сохранить свои посты, они, будучи, естественно, заинтересованы в укреплении личной преданности нижестоящей номенклатуры, шли навстречу требованиям последней.

В итоге реформа укрепляла отношения личной преданности и застой в верхах, одновременно ставя под угрозу карьеры молодых и средних кадров. Она оказалась неспособной ни покончить с консервативным сопротивлением в верхах, ни привлечь на сторону Хрущева, главного автора реформы, симпатии армии аппаратчиков на местах.

После двух дней самого серьезного обсуждения съездом Устава и Программы КПСС 19 октября Подгорный, Куусинен, другие ораторы из числа приближенных Хрущева перевели дискуссию на, казалось бы, забытую тему — десталинизацию, возобновив разоблачения преступных сталинских сообщников, а первых рядах которых фигурировали члены «антипартийной группы» Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов (только что избранный в президиум съезда). Перед лицом множившихся свидетельств о преступлениях Сталина и сталинистов Ворошилов был вынужден выступить с показной самокритикой в стиле публичных покаяний 30-х гг.

27 октября Хрущев во всеуслышание повторил в отношении Сталина то, что он сказал пятью годами раньше за закрытыми дверями. Но на этот раз он пошел дальше произнесенных в 1956 г. слов о культе личности. Теперь он в подробностях разоблачал сталинские преступления и недвусмысленно намекнул на то, что тиран убил Кирова, а главное, напомнил, что массовые репрессии распространялись не только на коммунистов, но и на всех советских граждан. Тем не менее Хрущев не подверг сомнению правильность основных направлений деятельности партии, прежде всего принятых в 1928 — 1930 гг. решений и установок. Был обойден стороной и вопрос об ответственности партии в целом; совершенные же преступления приписывались теперь не одному Сталину, как в 1956 г., а довольно узкому кругу «сталинцев», который почти совпадал с уже разоблаченной «антипартийной» и руиной. В знак покаяния Хрущев предложил воздвигнуть памятник коммунистам — жертвам сталинизма. (Хотя разве признание массового характера репрессий, их направленности против всего советского народа не превращало этот мемориал в памятник «неизвестному зеку», используя выражение Солженицына?). 30 октября большинство делегатов высказалось за то, чтобы тело Сталина было вынесено из Мавзолея. Прошедшая сталинские лагеря старая большевичка (член партии с 1902 г.) Лазуркина объявила ошеломленным делегатам съезда, что Ленин явился ей во сне и сказал: «Мне *неприятно* быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии!» После такого заявления съезд проголосовал за немедленное перезахоронение тела Сталина «за его преступления и массовые репрессии против честных советских граждан».

Сам ход съезда свидетельствовал о довольно сложной политической ситуации. Под видом кажущейся импровизации Хрущев и его сторонники предприняли тщательно подготовленное наступление не столько на Сталина, сколько и на своих политических врагов. Используя тему разоблачения «сталинцев», Хрущев надеялся вызвать эмоциональный отклик и повести за собой политически неопытное большинство делегатов, которое к 1953 г. находилось на низших ступенях советской политической системы и не было замешано в преступлениях сталинизма; эта антиконсервативная сила должна была смести оппозицию Первому секретарю ЦК КПСС. В то же время избранная Хрущевым тактика отражала известную слабость его позиций перед противниками в руководстве партии, против которых он не осмеливался открыто выступить, и раскрывала его намерения на будущее.

Соппротивление десталинизации продолжало оставаться упорным. После драматического возобновления процесса десталинизации с 27 по 30 октября вокруг представленных 31 октября съезду резолюций развернулась острая борьба. Судьба членов «антипартийной» группы была вверена для «изучения» Центральной Контрольной Комиссии, хотя большинство делегатов требовало их немедленного исключения из партии. Была сглажена резолюция, посвященная десталинизации: из нее исчезли предложение воздвигнуть памятник жертвам «чисток», упоминания о масштабе преступлений и массовых репрессий сталинизма, речь шла лишь об «ошибках» и «отклонениях». Наконец, вопреки подчеркнутой в докладе Хрущева 27 октября необходимости продолжить изучение этих вопросов, резолюция утверждала, что «партия сказала народу всю правду о злоупотреблениях власти в период культа личности». Этой формулировкой резолюция ясно указывала на то, что дело закрыто и дебаты прекращены.

Незавершенность нового наступления Хрущева против наследия сталинизма помешала ему изменить в свою пользу баланс сил в Президиуме. ЦК был, конечно, сильно обновлен (были заменены 60% из 30 его членов), однако его новые члены, даже если они во многих случаях были обязаны своим выдвижением Хрущеву, не были безусловными приверженцами десталинизации. В сокращенном же до 11 членов Президиуме ЦК сохранились прежние настроения, в частности, из-за того, что были восстановлены его сторонники, выведенные в 1960 г. (Фурцева, Пospelов, Кириченко) Хрущев должен был довольствоваться исключением одного Ворошилова. Таким образом, XXII съезд КПСС завершился полупровалом Хрущева, которому не удалось, несмотря на расширение съезда и обновление ЦК, добиться упрочения своего положения и поддержки большинства в Президиуме.

После XXII съезда Хрущев попытался обойти сопротивление консерваторов с помощью интеллигенции, с которой он, впрочем, не очень-то церемонился на съезде, требуя от нее еще больше сплотиться во имя построения коммунизма. Осенью 1962 г. он поддержал публикацию двух произведений, внесших смятение в консервативный лагерь: поэмы Евтушенко с вызывающим названием «Сталинские наследники», напечатанной 21 октября в «Правде», и большой повести «Один день Ивана Денисовича» неизвестного тогда автора, к тому же бывшего зека, Александра Солженицына, появившейся в ноябрьской книжке «Нового мира». Поддержка этих публикаций, проложивших дорогу потоку произведений, которые никто до этого не осмелился бы напечатать и даже предложить, осталась единичным актом. Хрущев не колебался в выборе между либеральной интеллигенцией, которая намеревалась взять на себя углубление десталинизации и по-своему продолжать свое «моральное возрождение», не стремясь угадывать намерения Первого секретаря ЦК КПСС, и партийным аппаратом, решительно настроенным взять интеллектуальную жизнь под свой контроль. Уже в декабре Твардовский был предупрежден, что тема репрессий становится «навязчивой». Вынужденный после кубинского кризиса защищать свою политическую линию в целом, Хрущев пошел в сфере культуры на некоторые уступки консерваторам. Поводом для нового поворота в этой области стало возмущение, испытанное Хрущевым во время посещения выставки абстракционистов 20 декабря. Хрущев поручил тогда председателю Идеологической комиссии ЦК КПСС Ильичеву призвать интеллигенцию к выполнению ее обязанностей. Резкой критике в прессе подверглись И.Эренбург и В.Некрасов; сам Хрущев в выступлении 18 марта 1963 г. лично призвал интеллигенцию руководствоваться в своем творчестве принципом партийности. Этот призыв положил конец короткому периоду последней «оттепели» хрущевского правления.

В ноябре 1962 г., когда Хрущев, начинавший новое наступление против консерваторов, еще искал поддержки у либеральной интеллигенции, состоялся пленум ЦК. Чтобы обезоружить своих противников во главе с Козловым и Сусловым, к которым присоединились Косыгин (первый заместитель председателя Совета Министров) и Брежнев (заменивший Ворошилова во главе Президиума Верховного Совета), Хрущев принял, вернее, заставил принять большинством голосов ряд изменений в организации планирования и управления экономикой, которые шли вразрез с прежней политикой децентрализации. Число региональных совнархозов было сокращено до 47, а их деятельность должен был контролировать Совнархоз СССР, призванный

обеспечить выполнение государственного плана, поскольку функции Госплана ограничивались разработкой основных направлений. Несколько позже, в марте 1963 г., воссоздание централизованной структуры было завершено образованием Высшего совета народного хозяйства, поставленного над всеми органами управления экономической, включая Госплан, Госстрой и другие госкомитеты, заменившими упраздненные в 1957 г. министерства.

Пленум провел также важную партийную реформу, проект которой Хрущев представил в Президиум ЦК 10 сентября 1962 г. Эта реформа изменила структуру партии, разделив ее надвое: одна половина должна была заниматься промышленностью, другая — сельским хозяйством. Все партийные организации, от районных до центральных, тоже были разделены и превращены в органы, специализирующиеся в руководстве одной из двух частей экономики и возглавляемые ответственным лицом. По своему смыслу реформа упраздняла районные партийные организации. Решение всех вопросов на этом уровне переносилось в «производственные зоны», управлявшиеся районными ответственными лицами. Те же принципы были применены в отношении комсомола и других общественных организаций. Представленная как лишь техническая реорганизация, эта реформа партийной структуры была новой иллюзорной попыткой прийти к более эффективному управлению экономикой. Она отражала и очевидный разрыв со многими ленинскими принципами, такими, как авангардная роль партии, стирание различий в мире труда между городом и деревней, органическое единство коммунистического общества, — идеями, совсем недавно подтвержденными в принятой XXII съездом КПСС Программе партии. Естественно, что доктринеры в партии не преминули подвергнуть критике и осудить покушение на «союз рабочих и крестьян» и профанацию роли партии, сведенной к решению экономических проблем. Многочисленные недостатки в предпринятой реорганизации нашли и прагматики: рост бюрократии, разобщение секторов, имевших общие проблемы, развал в «забытых» секторах (торговля, здравоохранение, образование, культура), общую дезорганизацию. Недовольство росло на всех уровнях аппарата. Члены Президиума опасались, что им придется решать конкретные экономические задачи, что снизит их престиж и вместе с тем возложит ответственность (и возможные обвинения) за провал в том или ином случае. Региональные кадры, заправлявшие во всех сферах жизни в обширных местностях, видели, что их власть разделена, а деятельность сведена к контролю одной лишь экономической жизни. Многочисленные же кадры районных партийных структур из-за реформы оказались под угрозой сокращения. Хрущевские начинания все больше и больше становились судорожными попытками убежать от действительности в праздной надежде добиться консенсуса либо внутри обновленной партии, либо вне ее.